

**ПРИКЛАДНАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЯ
В ВИЗАНТИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

ПОДОЛЬСКИЙ Вадим Андреевич – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук, адрес: 109240, Россия, г.Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, e-mail: deomniscibili@yandex.ru
Author ID (РИНЦ): 1004380

Аннотация. Византийская политическая философия сформировалась под влиянием христианской этики и эллинистического монархизма. Византийское богословие хорошо изучено в отечественной и зарубежной науке, а политическая философия известна меньше. **Цель** – изучить отношение византийской политической мысли к благотворительности.

Методология исследования. Статья опирается на сравнительно-исторический подход, анализ институтов, анализ сочинений и выступлений мыслителей и политиков и показывает возникновение и воплощение идей в сфере благотворительности в Византии. **В результате** было выявлено, что сформировавшиеся в первые века существования Восточной империи ценности и институты работали на протяжении всей истории Византии, оказали влияние на европейские и российские практики благотворительности. Собранные сведения об истории политической философии в Византии представляют ценность при изучении благотворительности и социальной политики.

Ключевые слова: история Византии, благотворительность, Иоанн Златоуст, Василий Великий, Кекавмен, Алексей Макремволит.

Цит.: Подольский В.А. Прикладная и практическая философия человеколюбия в византийской политической мысли // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Том 17. – № 5. – С. 45–66.

APPLIED AND PRACTICAL PHILOSOPHY OF PHILANTHROPY
IN BYZANTINE POLITICAL THOUGHT

PODOLSKIY V.A., Candidate of Political Sciences, Researcher of the Sector for History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, (Russian Federation, Moscow), e-mail: deomnis-cibili@yandex.ru

Abstract: Byzantine political philosophy developed under the influence of the Christian ethics and Hellenistic monarchism. Byzantine theology is well studied both in Russian and foreign science, while political philosophy is less known. *The purpose* of the present article is to study the attitude of the Byzantine political philosophy to charity. *Methodology of the research:* the study is based on historic and comparative approach, analysis of institutions, analysis of texts and speeches by thinkers and politicians, and shows origins and development of ideas on charity in Byzantium. As a result, it was revealed that the values and institutions formed in the first centuries of the existence of the Eastern Empire worked throughout the history of Byzantium and influenced European and Russian practices of charity. The collected information about the history of political philosophy in Byzantium is of value in the study of charity and social policy.

Keywords: history of the Byzantium, charity, John Chrysostom, Basil the Great, Cecaumenos, Alexios Makrembolites.

For citations: Podolskiy, V.A. (2022) *Applied and practical philosophy of philanthropy in Byzantine political thought* // *Central Russian Journal of Social Sciences*. – Volume 17, Issue 5. – P.45-66.

ВВЕДЕНИЕ

Знакомство с византийской политической мыслью представляет ценность для отечественного политического и философского знания, поскольку многие аксиологические элементы социальной этики и политической философии Восточной Римской империи обусловили особенности цивилизационной идентичности России. Освальд Шпенглер указывал, что христианство оформило Византию как цивилизацию [20, С. 182], а влияние Византии предопределило культурное развитие Рос-

сии [20, С. 91]. Николай Данилевский отмечал, что начала гражданственности и образованности в России формировались под влиянием Византии [5, С. 439]. Православное вероисповедание, кириллическая письменность, царская власть пришли в Россию из Византии. Славяне стали наследниками Византии [5, С. 308]. Эту мысль также выражает Арнольд Тойнби, указывая, что Россия – преемница византийской православной цивилизации [18, С. 159]. С ним согласен Сэмюэль Хантингтон, рассуждавший о том, что через Византию Россия переняла и античное наследие [19, С. 211].

Американские политологи Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель использовали результаты масштабного эмпирического исследования, проведенного в конце XX века в 81 стране, чтобы показать, как культура определяет ценности [8, С. 16]. На тождество цивилизации и мира ценностей указывал Питирим Сорокин [17, С. 39].

Ценностно-символическая политика в современной России во многом отсылает к византийскому наследию как посредством семиотических проявлений – страна использует византийского двуглавого орла как герб, так и через отсылки к уникальности российской цивилизации в искусстве, публицистике и выступлениях политиков. Карл Ясперс указывает на самобытность российской цивилизации, испытавшей духовное влияние Византии [21, С. 98]. Хотя общая административная архитектура, формат феодальных отношений, политическая риторика и даже эстетика в России существенно отличались от византийских, Восточная Римская империя успела передать России свои самые значимые цивилизационные достижения, а именно идеи соработничества светской и духовной властей и человеколюбия. Благодаря перенятому культурному коду Россия вплоть до раскола в XVII веке фактически не знала разрушительных мировоззренческих споров. Знакомство с византийской политической философией поэтому представляет особую важность как для культурной рефлексии, так и для содержательного наполнения социально-политических решений.

Наиболее масштабное и комплексное исследование по практической философии человеколюбия в Византии – это работа греческого исследователя Деметриоса Константелоса «Византийская филантропия и общественное благосостояние» [25], где изучена философия и институты благотворительности. Среди отечественных работ, посвященных византийской политической философии, следует отметить статьи И. А. Иванова [6], А. Ф. Бичехвоста [1] и диссертацию Б. И. Кецбы «Учение Отцов Церкви в политико-правовой мысли Византийской империи» [13]. Многие оригинальные тексты и исследования были опубликованы

ликованы на русском и на английском языках впервые лишь в конце XX – начале XXI века [11; 15].

Основные интеллектуальные силы Восточной Римской империи были направлены на богословские диспуты и уточнение догматов. Политическая философия была почти статична на протяжении тысячелетнего существования Восточной империи и в основном была посвящена двум темам: отношениям монарха и церкви и нравственным наставлениям для монарха. Мыслители и историки повторяли одну и ту же мысль о божественном порядке империи, и важнейшими темами были кадровая политика, взаимодействие светской и духовной властей и добродетельное правление [28, Р. 56]. Начиная с Евсевия Кесарийского восточно-римская политическая философия закрепила эллинистическое отношение к монархии и не отступала от него, за исключением отдельных авторов. Император описывался как живой закон, но в христианском прочтении он был равен подданным по своему подчинению Божественной морали [27]. Византийский император должен был подражать Богу в милосердии и быть первым по благотворительности [25, Р. 136], чтобы империя сохраняла свою устойчивость, опираясь на справедливость.

Контекст и предпосылки формирования прикладной и практической философии человеколюбия в византийской политической мысли

Ещё в Древней Греции были известны поддержка детей погибших в войне граждан за общественный счёт, обнуление долгов для бедных, городская помощь для нетрудоспособных с проверкой на нуждаемость, общественные трапезы. Для путешественников существовали странноприимные дома – «ксеноны», которые содержались из «общих сундуков» различными братствами. Также при религиозных учреждениях существовали «катагогии», приюты и больницы. Бедных в них лечили бесплатно, за счёт сборов. Частные лица иногда выкупали за свой счёт пленников, давали нуждающимся одежду, кормили голодных [25, Р. 5-11]. Христианская этика позволила значительно расширить и систематизировать существовавшие практики. Византийцы верили в человеколюбивого Бога и стремились проявлять человеколюбие к людям, избавляясь от грехов через милосердие [25, Р. 280-282]. Христианская филантропия выросла из слов Спасителя о том, что Сын Божий пришел, чтобы послужить, филантропия теперь распространялась не только на соплеменников [25, Р. 11-12]. Византийцы черпали из Библии максимы в сфере благотворительности: милосердие означало

подражание Богу и давало надежду на Божественную милость, подаяние означало передачу денег в долг Богу, восхвалялась забота о нуждающихся, порицались притеснения бедных. Евангелие учило видеть Христа в нуждающемся, страннике, голодном [25, Р. 19]. Также византийцам советовали подражать древним патриархам из Ветхого Завета [25, Р. 21].

Наибольший вклад в становление философии человеколюбия в Византии внесли святители Василий Великий и Иоанн Златоуст в IV веке. Их проповеди и социальная активность закрепили идеалы помощи нуждающимся и сформировали институты социальной поддержки. Ни Иоанн Златоуст, ни Василий Великий не разрабатывали планы социальных реформ. Редким примером призыва к масштабным преобразованиям могут служить идеи философа-платоника Георгия Гемиста Плифона в последние годы империи в XV веке. Также к позднему периоду существования империи относятся размышления писателя Алексея Макремволита о богатых и бедных, которые предвосхитили идеи в социальной сфере, возникшие в Европе и Америке уже в XX веке. Яркий пример человеколюбивого восприятия представляют собой рассуждения и советы полководца Кекавмена, составленные в XI веке. Из императоров наиболее заметный вклад в благотворительность внесли Юстиниан, Василий I, Лев VI, Роман Лекопен, Константин IX Мономах, Алексей Комнин. Философия человеколюбия и благотворительные практики в основном сложились ещё до распада Римской империи на Западную и Восточную и в дальнейшем воспроизводилась, а административные правила были определены в IV – VI веках, то есть в первые два столетия существования Византийской империи.

Благотворительные институты и политика в Византии

У Византийской империи не было записанной конституции. Византийцы были наследниками и хранителями римского права. Законы церкви устанавливались вместе с законами для империи, и последние адаптировались под христианство. Император был арбитром на соборах. Империя была земной церковью [28, Р. 62]. Доктрина симфонии властей, сформулированная Юстинианом, предписывала соработничество духовной и светской властей, священства и царства [1, С. 205]. Императоры, их жены, патриархи, епископы, чиновники, военачальники и знать щедро помогали бедным [25, Р. 262], строили, реконструировали [25, Р. 186], финансировали благотворительные учреждения, поддерживали сирот, пожилых, странников, прокажённых и прочих нуждающихся в помощи [25, Р. 55]. Христианское правосознание основано на

«кенозисе», смирении, ограничении своей воли без внешнего побуждения, то есть на правообязанности, а не борьбе за права [4, С. 43]. Благотворительность зависела от пожертвований и частной инициативы и включала в себя такие формы поддержки, как организация трапез и раздача денег для нуждающихся, в том числе на похоронах и по завещаниям для поминовения души. В завещаниях иногда отпускали рабов и выделяли им поля. После исцеления от болезней византийки благодарили Бога, распределяя милостыню сиротам и вдовам, прощали долги [25, Р. 139-144]. Нередко возникали ситуации, что люди так много давали нуждающимся, что сами беднели [25, Р. 100]. Многие раздавали имущество при уходе в монастырь [25, Р. 280-282]. Монахи посещали заключенных, больных, заботились об инвалидах. Убеждали богатых помогать бедным во время голода, контролировали раздачу еды во избежание злоупотреблений, предоставляли медицинские услуги [25, Р. 138-139]. Монахи строили госпитали и другие благотворительные учреждения [25, Р. 102]. У ворот монастырей раздавали еду [25, Р. 90-92] и одежду [25, Р. 210].

Государство регулировало работу социальных учреждений и обеспечивало их функционирование, их руководители были встроены в государственный аппарат империи, также строительство и содержание благотворительных учреждений регулировалось апостольскими правилами и решениями соборов. Благотворительных учреждений, впрочем, было достаточно мало, до нескольких сотен [6, С. 50]. Социальные учреждения включали в себя ксеноны, герокомии, то есть приюты для пожилых, небольшое количество орфанотрофий [25, Р. 239-241], то есть приютов для сирот и брошенных детей, птохотрофии, то есть приюты для нетрудоспособных бедных [25, Р. 259-260]. В Византии существовали госпитали общего профиля, лепрозории, заведения для матерей и детей, офтальмологические лечебницы. Уровень медицинского знания в Византии был достаточно высоким, приюты также часто предлагали медицинские услуги [25, Р. 152-153]. За благотворительность отвечали епископы [25, Р. 67], им отчитывались руководители учреждений, ими обычно были священники. Приюты и госпитали получали доход от назначенных им при создании источников средств, например от деревень, а также из епархиальных денег и работали по уставам, которые составлялись их учредителями [25, Р. 204]. Нуждающиеся обращались к церкви и монастырям за помощью, особенно по праздникам [25, Р. 88]. Городские квесторы должны были находить работу попрошайкам. Если здоровые попрошайки отказывались работать, их изгоняли из столицы в провинции, откуда они

пришли [25, Р. 259-260].

Еще апостольская церковь помогала бедным, вдовам, сиротам, организовывала общие трапезы, навещала заключенных. По воскресеньям собирались подаяния на бедных [25, Р. 13]. Тертуллиан упоминает, что христиане помогали хоронить бедных, помогали пожилым рабам и морякам, потерпевшим кораблекрушение. Уже в III веке церковь в Риме кормила более полутора тысяч вдов [25, Р. 15]. 41 апостольское правило предписывало епископам делегировать благотворительные обязанности дьяконам [25, Р. 218]. К IV веку диакониссы уже были устоявшимся институтом с определённой сферой ответственности: они посещали бедные семьи и сообщали о случаях болезни, бедности и бедствий епископам и отвечали за распределение подаяний и выполняли другие благотворительные и религиозные обязанности. За благотворительность также отвечал советник патриарха – синкелл [25, Р. 84-87].

Святоотеческая филантропия в Византии

Качественный сдвиг в развитии социальной поддержки совершил в IV веке Василий Великий. Он происходил из знатной и богатой христианской семьи, тратившей большие средства на благотворительность. Он получил блестящее образование в Константинополе и Афинах. После обучения он стал дьяконом, раздал бедным свое имущество, унаследованное от отца, жил отшельником в пустыне, затем стал священником. В 368 году во время голода Василий Великий выступал с проповедями против спекулянтов и безразличных богачей, призывал помочь страждущим. Он сумел убедить чиновников, клириков, монахов и богатых и знатных оказать поддержку голодающим, включая иноверцев, раздал остаток своего имущества и руководил распределением продуктов [24, Р. 81-86]. Он считал, что засуха была наказанием за то, что богатые, имея излишки, не подавали алчущим и плачущим, и напоминал, что богатство не имеет смысла при засухе [2, С. 640].

Став епископом в 370 году, он использовал наследство, пожертвования и помощь от богатых друзей и даже от императора-арианина Валента, чтобы создать комплекс благотворительных учреждений, состоявший из госпиталя общего профиля, сиротского приюта, дома престарелых, приюта для бедных путешественников, госпиталя для разных больных [24, Р. 81-86]. В больнице Василия Великого были отдельные помещения для прокаженных, комнаты для паломников, престарелых, сирот, больных и постоянный персонал [6, С. 53], повара и врачи [25, Р. 154]. Он основал первую в истории больницу в современ-

ном смысле слова, где врачи получали зарплату, а пациенты распределялись по различным помещениям в зависимости от диагноза. Совокупность учреждений в честь Василия Великого получила название «Василиады» [24, Р. 81-86].

Помимо «Василиады» Василий Великий построил также несколько странноприимных домов [25, Р. 208]. Он показал пример заботы о прокажённых, ухаживая за ними лично [25, Р. 182], обращался к богатым для учреждения и содержания лепрозория [25, Р. 155]. Василий Великий помогал голодным, вдовам, сиротам, бедным, странникам [25, Р. 69]. Он внес заботу о нуждающихся в правила для монастырей и сделал монашество социальной силой, отвечающей за образование, здравоохранение, социальную поддержку. Василий Великий учил, что долг христианского служения воплощается не в отвлечённых размышлениях, а в общественной жизни. Для Василия Великого любовь к Богу означала любовь к человеку [24, Р. 81-86]. Василий Великий был первым епископом, который систематически занимался благотворительностью. Церковь, в частности Иоанн Златоуст, последовала примеру Василия.

Иоанн Златоуст был сыном высокопоставленного военачальника. Он получил хорошее образование в Константинополе, учился у лучшего преподавателя риторики в Римской империи IV века Ливания. Принял крещение, проживал в монастыре, затем – в отшельничестве, потом стал дьяконом, потом – священником [23, Р. 6]. Когда Златоуст занял престол первосвященника Константинополя, он урезал административные расходы для патриарха, а сэкономленные средства направил на содержание приютов для нуждающихся и раздачу помощи для бедных [13, С. 129]. Он прекратил трапезы для епископов и продал предметы роскоши из епископского дворца. Сам Златоуст продолжал жить так, как привык во время службы священником [23, Р.8]. Златоуст помогал бедным и сиротам едой и одеждой, содержал богадельни, запретил ненужные украшения, отказался от приемов и выездов [14, С. 125–126]. Он заботился о больных, сиротах, вдовах, заключённых, строил благотворительные учреждения, такие как госпитали и дома престарелых, выкупал пленников [25, Р. 71].

Учения Василия Великого и Иоанна Златоуста во многом похожи, но Иоанн Златоуст выражал настолько радикальные мысли, что Бердяев видел в нём предтечу социализма [13, С. 127]. Златоуст указывал, что у животных всё общее и ни одно не имеет больше другого. У всех одна природа. Людям не следует превосходить зверей в свирепости и нарушать равенство [9, С. 574–580]. Земля для всех одна. Но кто-то владеет

многим, а у кого-то нет и малого. Частная собственность, предвосхищает Златоуст идеи Руссо, создала конфликты, войны и неравенство [13, С. 127]. Иоанн Златоуст указывает, что рабство существует не от природы, а как наказание за грех, поскольку вместе с Адамом не было сотворено и раба: во Христе нет ни раба, ни свободного. Бог дал нам руки и ноги, чтобы нам не были нужны слуги [23, Р. 8]. Рабство не естественно – естественна свобода [13, С. 127].

Василий Великий указывал на то, что у апостолов не было нуждающихся. Те, кто владел землями и домами, продавали их, приносили апостолам вырученное, чтобы все в общине получали необходимое [2, С. 334–335]. Для человека характернее общее имущество, убежден Златоуст, это в большей мере согласовано с Божественной волей, поскольку блага принадлежат Богу и нужны для потребления, а не накопления [13,

С. 114–117]. Василий Великий напоминает, что просящему нужно давать, а от хотящего занять нельзя отвращаться. Человек – животное общественное. В гражданском общении необходимо быть готовым оказать помощь другому [2, С. 334–335]. Люди живут не для себя, а для общей пользы, все трудятся на благо ближнего [10, С. 655–676].

И Иоанн Златоуст, и Василий Великий предвосхищают прудоновское описание собственности как кражи, но по-разному. Иоанн Златоуст указывает, что приобретение богатства нередко связано со злоупотреблениями, в том числе хищениями [13, С. 127]. Василий Великий убежден, что кражей можно считать отказ в помощи бедному. Оба святителя считают, что богатство вверено Богом для помощи нуждающимся [10, С. 655–676]. Василий Великий утверждает, что излишки обеспеченных – это имущество нуждающихся [2, С. 630]. Иоанн Златоуст считал, что имущество богатых заработано трудом бедных и поэтому принадлежит последним [13, С. 127]. Златоуст предлагал провести мысленный эксперимент и представить два города – богатых и бедных. Бедными Златоуст называл тех, кому требовалось работать каждый день, чтобы содержать себя. Город бедных обеспечивал бы себя сам, а город богатых не выжил бы [10, С. 554–566]. Святители критиковали не богатство, а роскошь, которая делала человека своим рабом [2, С. 634]. Иоанн Златоуст отмечал, что дорогие изделия больше говорят о мастерах, которые их изготовили, а не о тех, кто ими обладает. Богатство хорошо, когда оно помогает бедным, страннолюбия, как у Иова [9, С. 559–574]. Василий Великий резко критиковал ростовщичество. Брать с бедного рост – это ненависть к человеку, сбор прибыли из несчастий [2, С. 340]. Бедные не совершают столько злодея-

ний, сколько богатые из желания большего [14, С. 129]. По мнению Златоуста, милостыня способствует единению и общественному согласию на основании взаимной пользы. Богатый избавляет бедного от голода, бедный богатого – от гнева Бога [13, С. 129]. Напротив, стяжание, чревоугодие, распутство нарушают внутреннее и общественное спокойствие, производя вражду, зависть, зложелательство, беспокойство, заботу. Нищий принадлежит к одному обществу с подающим. Надо относиться к нищим так, как мы хотим, чтобы к нам относился Бог [10, С. 655–676].

При этом подаяние – это обязанность не только богатых, но и бедных, указывал Иоанн Златоуст. Даже бедная женщина отдала муку Илии, а вдова – лепты в храм [23, Р. 8]. Милостыня соразмерна имуществу и определяется не недостатком, но произволением, указывал он, и тем усердием, которое прилагает человек, как Авраам с Сарой, имея рабов, сами принимали Троицу [10, С. 655–676]. Милостыня – это не только деньги, но и помощь, например, врача [14, С. 128].

Если Василий Великий призывал подавать с рассмотрением [2, С. 334–335], то Иоанн Златоуст считал, что подавать нужно всем просящим. Он признаёт, что бедность может быть связана с ленью [14, С. 126] и что проситель не всегда может быть подлинно нуждающимся, но, по его мнению, необходима снисходительность, во-первых, чтобы жертвователи не видели в просящих обманщиков и те не лишались подаяния, а во-вторых, снисхождение к просителю будет основанием для получения снисхождения от Бога [10, С. 655–676]. По его мнению, отвергая бедного, богатый ранит себя [23, Р. 7]. Пока человек владеет деньгами сам, он владеет ненадежно. Бог вверяет богатство для господства над ним. Поскольку человек в любом случае лишится богатства вопреки своей воле из-за смерти или из-за кражи [10, С. 655–676], Иоанн Златоуст говорил о том, что богатство следует раздать, чтобы сохранить [2, С. 636], как сеятель сеет зерно, чтобы оно, видимо погибнув, дало многократный плод [10, С. 655–676]. Василий Великий говорил о том, что неиспользуемое богатство подобно воде в колодце, которая застаивается, если её не применять, и перестает быть полезной. Когда человек использует богатство для общего блага, благо возвращается к дающему. Василий Великий призывал богачей подражать плодородной почве, которая производит плоды не для себя, а для всех [24, Р. 81–86]. Кто имеет больше, чем нужно, должен жертвовать. Кто имеет силы, тот должен работать и делиться с имеющим нужду [3, С. 53–55].

Златоуст призывал указывать в завещании раздачу денег нуждаю-

щимся и не бояться того, что это повредит наследникам, поскольку наследники будут пользоваться уважением благодаря щедрости завещания [10, С. 655–676]. Василий Великий полагал, что на завещание рассчитывать небезопасно и лучше раздавать всё при жизни, поскольку завещание можно не успеть составить, а душеприказчики могут не исполнить его [2, С. 636].

Идея человеколюбия и милосердия лежала в основе византийской политической мысли. Златоуст писал, что государства, законы и частная собственность связаны с грехопадением, но без государства все воевали бы со всеми. Император отвечает за царство своей душой и должен стремиться исполнить волю Божию. Как и мыслители античности, например Аристотель, Златоуст говорил, что правитель должен уметь господствовать над своими страстями, чтобы управлять государством. Раб своих страстей станет тираном и не сможет править добродетельно. А народовластие означает, что правитель будет рабом страстей тысяч людей. При народовластии правитель слишком зависим от народного мнения, которое делает поспешные выводы, если правитель будет стремиться угодить народу, он повредит и себе, и народу. Важнейшее дело пастыря – укреплять несправедливо обиженных и милосердие к страдающим. В отличие от Макиавелли, Златоуст критикует стремление к власти. Стремящийся к власти будет бояться ее потерять. Власть – это служение. Власть подразумевает опеку, защиту [13, С. 119–125].

Святые Византии подражали Василию Великому и Иоанну Златоусту и словом, и делом. Афанасий Великий, Григорий Назианзин, Григорий Нисский, Климент Александрийский, Фёдор Студит, Иоанн Дамаскин, Николай Мистик, Феофилакт Охридский [25, Р. 30-32], Максим Исповедник [25, Р. 22] и Николай Кавасила [25, Р. 38] называли человеколюбие высшим атрибутом Бога, призывали подражать Богу [25, Р. 20], не просто подавать, но и с сочувствием служить нуждающимся [25, Р. 22] для спасения душ и общественного мира.

Среди многочисленных благотворителей наиболее известен святой Иоанн Милостивый, патриарх Александрии в VII веке: многие следовали его примеру. Он составил список всех бедных, живших в Александрии, их оказалось 7500 человек, все они получали помощь от патриарха. После захвата персами Сирии он принимал беженцев. Больные получали бесплатное лечение. Он также поддерживал жертв кораблекрушений [25, Р. 74-75], построил несколько странноприимных домов и госпиталей. Также он учредил несколько заведений для рожениц [25, Р. 170], дом для бедных в Александрии [25, Р. 262]. Знаменитый пере-

водчик Библии на латынь – святой Иероним Стридонский – создавал странноприимные дома [6, С. 54]. Подобно Василию Великому в Кесарии, святой Ефрем Сирий в Эдессе убедил богатых помогать нуждающимся во время голода [25, Р. 209]. Святой Феодосий Киновиарх в VI веке организовал несколько учреждений – дома для больных и госпиталь [25, Р. 157-158]. Архиепископ Крита Андрей в VIII веке возглавлял сиротский приют и приют для бедных в Константинополе, а на Крите построил бесплатный госпиталь и содержал его за свой счет [25, Р. 168]. Святой Симеон Новый Богослов создал благотворительный центр в Константинополе и щедро раздавал подаяние [6, С. 57]. Святой преподобный Кирилл Филеот в XII веке давал бедным не только деньги и еду, но и сельскохозяйственные инструменты, чтобы они могли возделывать землю. Он работал сам, чтобы иметь средства для помощи бедным, шил одежду и раздавал бедным. Те дары, которые он получал, он также отдавал бедным [25, Р. 108-109].

Филантропия в Византии до XI века

Существуют исторические свидетельства о благотворительной активности императоров на протяжении всего существования Восточной Римской империи, начиная с Константина Великого и его матери Елены [25, Р. 112], многие из них также оставили сочинения по поводу практической философии человеколюбия.

Юлиан Отступник отмечал активную благотворительную деятельность христиан [25, Р. 16] и, предлагая подражать христианам, заботился о бедных [25, Р. 263], строил странноприимные дома [25, Р. 208]. Юстиниан построил множество лечебниц [6, С. 58], странноприимных домов, восстанавливал существующие и обеспечивал их финансирование [25, Р. 212].

Император Василий I восстановил [25, Р. 195] и построил в Константинополе и провинциях более сотни учреждений для бедных, госпиталей, странноприимных домов и иных благотворительных учреждений [25, Р. 115], например для пожилых [25, Р. 52], и щедро раздавал деньги бедным [25, Р. 135]. Император Василий I не владел грамотой, и указания, написанные от его имени его сыну Льву VI, вероятно, были составлены патриархом Фотием. В тексте изложены наставления в человеколюбии и милосердии [25, Р. 51], указано, что стяжание надо презирать, что средства богатых принадлежат бедным, что богатство нужно не ради удовольствий, а для помощи нуждающимся [6, С. 48–49].

Патриарх Фотий составил послание царю Борису Болгарскому, призывая его подавать пример подданным, поскольку поведение прави-

теля становится законом для подданных. Фотий напоминал, что человеколюбием царь уподобляется Богу [25, Р. 50]. Благосостояние управляемых служит фундаментом для авторитета правителя [29, Р. 68]. Нужно защищать подданных, делая им добро, чтобы сохранить власть [29, Р. 75]. Предоставление помощи потерпевшим бедствия – признак самостоятельного и предусмотрительного ума, такие благодеяния запоминают [29, Р.78]. Идеал Фотия – доброе общество, основанное на человеколюбии и справедливости [7, С. 254].

Лев VI Мудрый писал в предисловии к сборнику законов «Эпанагога», что, теряя добродетель человеколюбия, правитель нарушает свой царственный характер. В спорных ситуациях вопрос необходимо решать в пользу милосердия [25, Р. 51]. Феофана, жена Льва VI, была объявлена святой. Она жила аскетично, а деньги раздавала бедным, вдовам и сиротам. Она предоставила несколько домов бедным и под госпитали и щедро финансировала их содержание [25, Р. 115].

Император Роман Лекопен в X веке восстанавливал [25, Р.183] и строил странноприимные дома, дома для пожилых [25, Р. 197-198], больных [25, Р. 170]. В 928 году во время холодной и голодной зимы он приглашал бедных за свой стол и строил бараки для бедных [25, Р. 119]. В своем завещании Лекопен велел, чтобы бедным у его могилы регулярно раздавали хлеб. Он заботился о заключенных – велел выдавать деньги заключенным по праздникам [25, Р. 121].

В X веке в Византии был составлен свод законов для градоначальников – Книга эпарха. В ней выражалась концепция социальной справедливости в византийском понимании: люди не должны притеснять друг друга, заповеди Бога созданы таким образом, чтобы сильный не сокрушал слабого [25, Р. 286].

Филантропия в Византии в XI – XII веках

Хотя на протяжении всей истории Византии созерцательная философия неоплатонизма продолжала проявляться в рассуждениях многих авторов, например Иоанна Итала, который считал, что созерцание выше гражданской активности [11, С. 207], она была, скорее, маргинальной. Император Константин IX Мономах выражал принципы практической философии, утверждая, что в те дни, когда он никак не проявлял человеколюбие по отношению к подданным, он не был императором [25, Р. 53].

Полководец XI века Кекавмен в своих наставлениях для правителей писал, что социальная справедливость – обязанность императора, как и беспристрастность. Кекавмен призывал императора сделать

справедливость смыслом жизни, следить за благотворительными учреждениями, такими как госпитали, и заботиться о нуждах бедных, сирот и вдов [25, Р. 54]. Нужно по силам помогать во всём нуждающимся. Если нет денег, нужно сострадать и печалиться, и Бог примет это как деяние [12, С. 137]. Необходимо быть равнодушным к несправедливости [12, С. 173], вступаться за несправедливо обиженного [12, С. 135]. Даже если враг претерпел несправедливость, нужно ему помочь [12, С. 139]. Каждый человек должен ставить своей целью и стремиться к тому, чтобы творить добро друзьям и врагам и не причинять зла [12, С. 225]. Как и Василий Великий, Кекавмен был убежден, что нельзя давать деньги в рост [12, С. 229]. Нельзя поступать дурно при выполнении служебных обязанностей [12, С. 227]. Судье нельзя брать подарки, но нужно довольствоваться жалованьем, поскольку его обязанность – воздавать справедливость. Вражда ради подарков губительна [12, С. 145]. Воздания следует ждать от Бога, а не от людей, нужно бояться Бога больше, чем людей [12, С. 137]. Человек может стать Богом, если захочет, повторяет Кекавмен Афанасия Великого. В общем русле заложенного Евсеем Кесарийским восприятия монархической власти Кекавмен писал, что император сам представляет собой закон, но отмечал, что император подчиняется законам благочестия [12, С. 291]. Как и Златоуст, Кекавмен указывает на равенство людей как потомков Адама [12, С. 303]. Нельзя быть лицепрятным, нужно жалеть простых людей и не покрывать преступления подчиненных [12, С. 171], восстанавливать справедливость [12, С. 313]. Из-за несправедливостей Византия теряла области [12, С. 169]. Нужно подавать обездоленным, но не давать лъстецам [12, С. 233]. Подавать надо и друзьям, и врагам, а в незнакомцах видеть Христа [12, С. 229].

Преподобный Кирилл Филеот в XII веке рекомендовал Алексею I Комнину вести политику справедливости и человеколюбия [25, Р. 55]. Кирилл Филеот учил, что подавать надо осмотрительно, только тем, кто не может о себе заботиться, – сиротам, вдовам, путникам [25, Р. 25]. Он критиковал жадность богачей и, предвосхищая на 7 столетий размышления социалистов, эксплуатацию трудящихся, вступался за бедных [25, Р. 108-109].

Император Алексей Комнин учил нищелюбию, указывая, что оно желанно для Бога [25, Р. 27]. Алексей строил благотворительные учреждения для больных, бедных и инвалидов [25, Р. 123], к инвалидам приставлялись помощники. Комнин жертвовал земли для содержания этих домов, строил школы, покровительствовал сиротам, вдо-

вам. Он поручал сирот заботе монахов и отдавал в приюты, подбирал учителей для школ [25, Р. 126-130]. Жена Алексея Комнина Ирина выслушивала жалобы бедных, организовывала обучение сирот. Она основала монастырь Кекаритомен, к которому были пристроены благотворительные учреждения, и в уставе указала, чтобы у ворот монастыря бедным выдавали еду, а по праздникам – деньги. Она завещала поминать её душу раздачей еды бедным. Ирина описывала благотворительность в тех же категориях, что и Афанасий Великий, Василий Великий, Федор Студит: из-за милосердия Бог стал человеком, и через милосердие человек становится подобен Отцу небесному [25, Р. 130-132]. Дочь Алексея Комнина Анна указывала, что её отец лично заботился о работе диаконисс, которые служили в качестве медсестёр в больницах, домах для пожилых, лепрозориях, приютах для сирот [25, Р. 86]. В 1136 году сын Алексея император Иоанн II Комнин со своей женой Ириной создали монастырь Пантократор, при котором был госпиталь, разделенный на пять клиник: две – для общих болезней и по одной – для хирургии, для глазных болезней и болезней внутренних органов и для женщин. Также содержались отдельные койки для чрезвычайных случаев [25, Р. 171-172]. Был постоянный штат, работали посменно. Врачам предоставлялось жилье и лошади. При больнице работала школа для подготовки врачей [6, С.61–62]. Также были амбулаторные услуги [25, Р. 174-175] и приют для пожилых, где ухаживали за неподвижными больными [25, Р. 179]. Исаак Комнин, сын Алексея, учредил монастырь Космотера в 1152 году и указал в уставе этого монастыря, что монахи должны ежедневно раздавать еду у ворот монастыря, а по праздникам – и деньги [25, Р. 132]. Исаак Комнин пожертвовал всё состояние на монастырскую филантропию [25, Р. 27].

Филантропия в Византии в последние годы существования империи

Хотя в XIV веке Византия потеряла почти все территории, 25 % известных византийских авторов творили именно в это время [16, С. 17]. Миграция византийцев в Италию послужила одной из опор ренессанса [16, С. 65]. Наиболее заметное сочинение по теме благотворительности в XIV веке – «Диалог бедных и богатых» – составил писатель Алексей Макремволит. В «Диалоге...» он следует в русле аргументации Златоуста о социальных ролях бедных и богатых. Бедные, пишет Макремволит, производят из своей среды пахарей, строителей, ремесленников, а богатые – сибаритов и игроков. Бедные поэтому

необходимы богатым. Свет – это то, что рассеивает тьму. Богатство становится богатством, только если уничтожает бедность. Богатые должны отдать излишки бедным, чтобы корабль богатых в море жизни не утонул под нагрузкой, а лодки бедных обрели устойчивость. Макремволит напоминает, что в прежние времена в Византии богатые жертвовали на создание и содержание приютов для странников, пожилых, сирот, на больницы и школы. Нельзя облачать коней в серебро, когда не одеты и голодают люди, повторяет он Иоанна Златоуста и Василия Великого. Макремволит признает, что некоторые бедные страдают из-за своего нерадения, но убеждён, что это не может быть основанием для прекращения благотворительности. Он пишет, в отличие, например, от Аристотеля, что разница между богатым и бедным – это разница состояния, а не природы [15, С. 189–202], предвосхищая статистические труды европейских исследователей начала XX века, которые показали, что дурные привычки были причиной бедности лишь для небольшой доли малоимущих, а в основном нищета была следствием экономических проблем и эксплуатации [26, Р.57].

Темой перераспределения собственности для обеспечения социальной справедливости занимался языческий философ-неоплатоник Плифон, который в XV веке жил при дворе деспота Мистры на Пелопоннесе. Плифон предлагал ввести общественную собственность на землю, предвосхищая рассуждения Локка о свободном использовании земли. Предлагал восстановить илотов для содержания армии: они платили бы военный налог, но сами бы не служили. Он считал, что налоги должны собираться в натуральном виде, выступал за закрытую экономику и протекционизм [22, Р. 201-205]. Для того чтобы обеспечить благосостояние страны и народа, необходимо правильное государственное устройство – правильные законы и добродетель правителей, благодаря которой законы становятся действенными [16, С. 161]. Плифон говорил, что восстановление социальной справедливости – это необходимое условие для возрождения империи [25, Р. 286].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Благотворительная деятельность была институционализирована в Византийской империи очень рано силами церкви, государства, частных жертвователей. Церкви при её создании было предписано кормить голодных, поить жаждущих, предлагать гостеприимство странникам, одевать нуждающихся, ухаживать за больными, заботиться о сиротах и вдовах. Церковные каноны регулировали строительство

благотворительных учреждений и управление ими [25, Р. 149]. Именно в Византии появились те институты, которые впоследствии стали фундаментом для создания социального государства в Европе: больницы, странноприимные дома, приюты для пожилых граждан, сирот. Церковь и монастыри заботились не только о спасении души и метафизике, но и об облегчении голода и болезней. Труд монахов, крестьян, филантропия церкви, щедрое пожертвование императоров, епископов и богачей помогали сгладить тяготы, которые византийское общество несло из-за конфликтов, природных катастроф и несправедливости [25, Р. 285]. Благодаря этой особенности Византии государство неоднократно восстанавливалось после серьезных утрат территорий, постоянных войн и переворотов.

Философия человеколюбия Византии задала высокие идеалы и для правителей, и для элит, и для простых жителей империи. Эти идеалы соблюдались далеко не всегда, и негативная коннотация термина «византизм» как коварства, высокомерия, косности не была безосновательна. Тем не менее человеколюбие было основополагающей идеей, от которой выстраивалась социальная философия в Восточной империи, и служило ценностным ориентиром при осуществлении повседневных практик и создании институтов. Восточные отцы использовали богатый инструментарий, накопленный греческой философией, для уточнения догматов и размышлений о принципах поведения человека, которые могли привести его к теозису – обожению. Человеколюбие в восточном богословии считалось важнейшим атрибутом Бога, и действие, согласно человеколюбию, было наиболее надежным способом подражания Богу.

Развитие Европы происходило благодаря усвоению достижений Византии [19, С. 64]. Византийская политическая мысль определила направление для развития российской мысли и политической организации. Кормчие книги, то есть сборники канонических правил и законов, созданные в Византии, определяли общественную и культурную жизнь России до петровских времён. Идея симфонии властей также была перенята ещё в Древней Руси и определяла характер взаимоотношений светской и церковной властей. Но самым значимым заимствованием России из Византии стали ценности человеколюбия. И в Византии, и в России человеколюбие было фактором, смиряющим своеволие, возлагающим на сильных обязательства служения общему благу, а не преследования своих интересов. Несмотря на многочисленные конфликты, злоупотребления и противоречия в византийской истории, человеколюбие было и смыслом, и средством достиже-

ния социального мира. Византийский опыт благотворительности может быть примером для подражания для элит современной России, а также представлять ценностные основания для принятия решений в социально-политической сфере.

Библиография/ References:

1. Бичехвост А.Ф. Политическая мысль Византии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 4 (117). – С. 202–209.
2. Василий Великий. Творения. В 2 томах. Том 1. – М.: Сибирская благовонница, 2009. – 750с.
3. Василий Великий. Творения. В 2 томах. Том 2. – М.: Сибирская благовонница, 2009. – 1230 с.
4. Величко А.М. Исихазм как политическое явление // Вестник юридического факультета ЮФУ. – 2019. – Т.6. – №1. – С.35–45.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574с.
6. Иванов И.А. Социальный идеал, благотворительность и медицина в Византии // Христианское чтение. – № 6. – 2012. – С.44–66.
7. Игумен Филипп (Рыбко). Политика и православие в произведениях патриарха Константинопольского Фотия // Вестник МГИМО. – 2011. – №2. – С.251–258.
8. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 464с.
9. Иоанн Златоуст. Творения. В 12 томах. Том 5, книга 2. – СПб.: Издание Санкт-Петербургской духовной академии, 1899. – 600с.
10. Иоанн Златоуст. Творения. В 12 томах. Том 12, книга 2. – СПб.: издание Санкт-Петербургской духовной академии, 1906. – 492с.
11. Иоанн Итал. Апоории / Вступ. ст. и пер. с греч.: А.Е. Карначёв. – СПб.: «Свое издательство», 2013. – 312с.
12. Кекавмен. Советы и рассказы. Пер. с греч., вступ., комм. Литаврин Г.Г. – СПб.: Алетейя, 2003. – 711с.
13. Кецба Б.И. Учение Отцов Церкви в политико-правовой мысли Византийской империи. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. МГЮА им. О.Е. Кутафина. 2015. – 191с.
14. Логиновский С.С. Бедняк: позитивное переосмысление негативной идентичности в христианском дискурсе Иоанна Златоуста // Социум и власть. – 2016. – №1 (57). – С.125–130.

15. Макремволит Алексей. Разговор богатых и бедных // Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. – СПб.: Алетейя, 1998. – С.189–202.
16. Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV-XV вв. – СПб.: Алетейя, 1997. – 341с.
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. Согомонов А.Ю.: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543с.
18. Тойнби А. Византийское наследие России // Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад. пер. с англ. – Москва: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. С. 157-174.
19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Пер. с англ. Велимеев Т., Новиков Ю. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
20. Шпенглер О. Закат Европы. В 2 т. Т.2. – М.: Мысль, 1998. – 606 с.
21. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
22. Baker E. Social and political thought in Byzantium. From Justinian I to the last Palaeologus. Passages from Byzantine writers and documents. – Oxford: Clarendon Press, 1957. – 239 p.
23. Cassady J. Saint John Chrysostom and Social Justice. Obsculta. – 2, (1). 2009. – P. 5-12.
24. Constantelos D.J. Basil the Great's Social Thought and Involvement // Greek Orthodox Theological Review. – 26 no 1-2 (1981). – P. 81-86.
25. Constantelos D.J. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. – New Brunswick: Rutgers University Press, 1968. – 356 p.
26. Englander D. Poverty and Poor Law Reform in Nineteenth-Century Britain, 1834–1914: From Chadwick to Booth. – London: Routledge, 1998. – 152 p.
27. Dvornik F. Early Christian and Byzantine political philosophy. Origins and background. In 2 vols. Vol.2. – Gluckstadt: J.J. Augustin, 1968. – 534 p.
28. Nicol D.M. Byzantine political thought // The Cambridge history of medieval political thought. c.350-c.1450. Ed by Burns J.H. – New York: Cambridge University Press, 2008. – P. 51-79.
29. White D.S., Berrigan J.R. The patriarch and the Prince. The letter of Patriarch Photios of Constantinople to Khan Boris of Bulgaria. – Brookline: Holy Cross Orthodox Press, 1982. – 102 p.

1. Bichekhvost A.F. (2017) Politicheskaya mysl Vizantii [Political thought of Byzantium] // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy

- yuridicheskoy akademii [Herald of the Saratov State Law Academy]. – №4 (117). – P. 202-209. (In Russ)
2. Vasiliy Velikiy (2009a) Tvoreniya [Works]. V 2 tomakh. Tom 1. – Moscow: Sibirskaya blagozvonitsa. – 750 p. (In Russ)
3. Vasiliy Velikiy (2009b) Tvoreniya [Works]. V 2 tomakh. Tom 2. – Moscow: Sibirskaya blagozvonitsa. – 1230 p. (In Russ)
4. Velichko A.M. (2019) Isikhazm kak politicheskoye yavleniye [Hesychasm as a political phenomenon] // Vestnik yuridicheskogo fakulteta YUFU [Herald of the law faculty of the SRFU]. – Vol. 6, № 1. – P. 35-45. (In Russ)
5. Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Yevropa [Russia and Europe]. – Moscow: Kniga, 1991. – 574 p. (In Russ)
6. Ivanov I.A. (2012) Sotsialnyy ideal, blagotvoritelnost i meditsina v Vizantii [Social ideal, charity and healthcare in Byzantium] // Khristianskoye chteniye [Christian readings]. – № 6, 2012. – P. 44-66. (In Russ)
7. Igumen Filipp (2011) Politika i pravoslaviye v proizvedeniyakh patriarkha Konstantinopolskogo Fotiya [Politics and Orthodoxy in works by Patriarch of Constantinople Photius] // Vestnik MGIMO [Herald of the MSIFR]. – №2. – P. 251-258. (In Russ)
8. Ingkharth R., Veltsel K. Modernizatsiya, kulturnyye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence]. – Moscow: Novoye izdatel'stvo, 2011. – 464 p. (In Russ)
9. Ioann Zlatoust (1899). Tvoreniya [Works] in 12 volumes. Vol. 5, book 2. – Saint-Petersburg: izdaniye Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii. – 600 p.
10. Ioann Zlatoust (1906). Tvoreniya [Works] in 12 volumes. Vol. 12, book 2. – Saint-Petersburg: izdaniye Sankt-Peterburgskoy dukhovnoy akademii. – 492 p.
11. Ioann Ital (2013) Aporii [Aporias] / Introduction and translation from Greek by Karnachev A. Ye. – Saint-Petersburg: Svoye izdatel'stvo, 2013. – 312 p. (In Russ)
12. Kekavmen (2003) Sovety i rasskazy [Advices and tales] / Introduction, commentary and translation from Greek by Litavrin G.G. – Saint-Petersburg Aleteyya, 2003. – 711 p. (In Russ)
13. Ketsba B.I. (2015) Ucheniye Ottsov Tserkvi v politiko-pravovoy mysli Vizantiyskoy imperii [Teachings of the Church Fathers in political and legal thought of the Byzantine Empire]. PhD thesis on law. MSLA named after O.Ye. Kutafin. – 191 p. (In Russ)

14. Loginovskiy S.S. (2016) Bednyak: pozitivnoye pereosmysleniye negativnoy identichnosti v khristianskom diskurse Ioanna Zlatousto [A Pauper: positive rethinking of the negative identity in Christian discourse of John Chrysostom] // Sotsium i vlast [Society and Power]. – №1 (57). – P. 125-130. (In Russ)
15. Makremvolit Aleksey (1998). Razgovor bogatykh i bednykh [Dialogue Between the Rich and the Poor] // Polyakovskaya M.A. Portrety vizantiyskikh intellektualov [Portraits of Byzantine intellectuals]. – Saint-Petersburg: Aleteyya. – P. 189-202. (In Russ)
16. Medvedev I.P. (1997) Vizantiyskiy gumanizm XIV-XV vv. [Byzantine humanism of XIV-XV centuries] – Saint-Petersburg: Aleteyya. – 341 p. (In Russ)
17. Sorokin P.A. Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo [Man. Civilization. Society] / Obshch. red., sost. i predisl. Sogomonov A.Yu.: Per. s angl. – Moscow: Politizdat, 1992. – 543 p. (In Russ)
18. Toynbi A. Vizantiyskoye nasledie Rossii [Byzantine heritage of Russia] // Tsivilizatsiya pered sudom istorii. Mir i Zapad. [Civilisation before the court of history. The world and the west] per. s angl. – Moscow: ACT: Astrel; Vladimir: VKT, 2011. P. 157-174. (In Russ)
19. Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy [Clash of Civilizations]. Per. s angl. Velimeyev T., Novikov YU. – Moscow: AST, 2003. – 603 p. (In Russ)
20. Shpengler O. Zakat Yevropy [The Decline of Europe]. V 2 t. T.2. – Moscow: Mysl, 1998. – 606 p. (In Russ)
21. Yaspers K. Smysl i naznachenie istorii [The Origin and Goal of History]: Per. s nem. – Moscow: Politizdat, 1991. – 527 p. (In Russ)
22. Baker E. (1957) Social and political thought in Byzantium. From Justinian I to the last Palaeologus. Passages from Byzantine writers and documents. – Oxford: Clarendon Press. – 239 p.
23. Cassady J. (2009) Saint John Chrysostom and Social Justice. Obsculta. – 2, (1). – P. 5-12.
24. Constantelos D.J. (1981) Basil the Great's Social Thought and Involvement // Greek Orthodox Theological Review. – 26 no 1-2. – P. 81-86.
25. Constantelos D.J. (1968) Byzantine Philanthropy and Social Welfare. – New Brunswick: Rutgers University Press. – 356 p.
26. Englander D. (1998) Poverty and Poor Law Reform in Nineteenth-Century Britain, 1834–1914: From Chadwick to Booth. – London Routledge. – 152 p.

27. Dvornik F. (1968) Early Christian and Byzantine political philosophy. Origins and background. In 2 vols. Vol.2. – Gluckstadt: J.J. Augustin. – 534 p.
28. Nicol D.M. (2008) Byzantine political thought // The Cambridge history of medieval political thought. c.350-c.1450. Ed by Burns J.H. – New York: Cambridge University Press. – P. 51-79.
29. White D.S., Berrigan J.R. (1982) The patriarch and the Prince. The letter of Patriarch Photios of Constantinople to Khan Boris of Bulgaria. – Brookline: Holy Cross Orthodox Press. – 102 p.